

УДК 801.6
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-129-155

Сибирский верлибр 1920–1930-х годов: общее и особенное в новой стиховой форме

Ю. Б. Орлицкий

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматривается процесс возникновения свободного стиха (верлибра) в сибирской ветви русской поэзии первой трети XX в., определяется специфическая особенность существования этой стиховой формы в Сибири – опора на фольклорные и квазифольклорные источники. Приводятся примеры раннего свободного стиха из периодических изданий и книг 1920–1930-х гг., создававшегося в русле общероссийских тенденций развития версификации. Рассматриваются особенности использования свободного стиха в переводах и вольных переложениях фольклора народов Сибири, выполненных А. Сорокиным, Вс. Ивановым, П. Васильевым, Л. Мартыновым, В. Зазубриным, И. Ерошиным, О. Черемшановой, Е. Тагер, А. Глобой.

Ключевые слова

свободный стих (верлибр), фольклор и квазифольклор, А. Сорокин, Вс. Иванов, П. Васильев, Л. Мартынов, И. Ерошин, О. Черемшанова

Для цитирования

Орлицкий Ю. Б. Сибирский верлибр 1920–1930-х годов: общее и особенное в новой стиховой форме // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 129–155. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-129-155

Siberian Free Verse of the 1920s – 1930s: General and Special in a New Poetic Form

Yu. B. Orlitsky

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Since the beginning of the twentieth century, free verse (*vers libre*) begins an active penetration into Russian poetry, decisively moving from the category of a marginal poetic phenomenon into the most active forms of national verse. Since the end of the 1910s Russian free verse also appears in the thriving Siberian poetry. First of all, this occurs in the works of authors who work with verse in line with the main currents of the general Russian poetic tradition – relatively speaking, among the Siberian futurists, acmeists, and imagists. The article examines the process of the emergence of free verse (free verse) in the Siberian branch of Russian poetry in the first third of the twentieth century. Examples of early free verse from periodicals and books of the 1920s – 1930s, which were created in line with the all-Russian trends in the development of versification, are given. However, if we talk about the absolutely specific fea-

© Ю. Б. Орлицкий, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

tures of the Siberian free verse of the first third of the twentieth century, then this is, without a doubt, its use in translations and arrangements (including quite free ones) of the lyrics and epic of the peoples of Siberia. Publishing interlinear translations was common practice in those years. However, falling into the context of Russian literature, these interlinear translations were already perceived as poems, and precisely as written in free verse.

The most productive source of Siberian free poetry can be considered the so-called “self-laying”, author’s variations on the themes of which are published by Anton Sorokin, Vsevolod Ivanov, Leonid Martynov and Pavel Vasiliev.

Of particular interest are the Altai and Khakass “songs” of Ivan Eroshin, a significant part of which is also written in free verse. For the most part, these are small stylized lyric poems. His “Songs of Altai” is a rare example in world poetry of the reincarnation of a European poet into foreign characters – hunters, shepherds, even girls – on whose behalf most of the miniatures of the books “Blue Yurt” and “Songs of Altai” are written, performed by different types of verse. In total, from 1923 to the beginning of the 1950s, Eroshin wrote more than 40 vers libre, distinguished by the utmost laconicism combined with a bright “barbaric” imagery.

A special place among the stylists of folk poetry (including the folklore of the peoples of Siberia) in Soviet poetry of these years is occupied by the poet and playwright Andrei Globa. His cycle of 1922 “Kyrgyz Songs”, consisting of 17 poems, was written mainly in free verse. His collection “Songs of the Peoples of the USSR”, which has survived three editions, includes translations and stylizations of works of different genres, many of which are also written in free verse.

In addition, the paper examines the features of the use of free verse in translations and free transcriptions of the folklore of the peoples of Siberia, performed by V. Zazubrin, O. Cheremshanova, E. Tager.

Keywords

free verse (vers libre), folklore and quasi-folklore, A. Sorokin, Vs. Ivanov, P. Vasiliev, L. Martynov, I. Eroshin, O. Cheremshanova

For citation

Orlitsky Yu. B. Siberian Free Verse of the 1920s – 1930s: General and Special in a New Poetic Form. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 129–155. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-129-155

С начала XX в. свободный стих (верлибр) начинает активное проникновение в русскую поэзию, решительно переходя из разряда маргинального стихового явления в число наиболее активных форм национального стиха. Разумеется, как и всегда в истории отечественного стиха, это происходит под активным воздействием инокультурных явлений: в первую очередь, современной французской, немецкой и американской поэзии, прежде всего – творчества Э. Верхарна и У. Уитмена, позднее – японской миниатюрной лирики. Параллельно активизируется влияние и отечественных источников: русского духовного стиха – как фольклорного, так и литературного, других форм фольклора и т. д.

Необходимое уточнение: под свободным стихом мы понимаем стиховую форму, характеризующуюся принципиальным отказом от вторичных ритмообразующихся факторов: рифмы, урегулированности строк по числу слогов и ударений, метрической упорядоченности, а также регулярной строфики – и опирающуюся только на первичный признак стихотворной речи в отличие от прозаической – авторское разделение текста на строки. Такой стих может появиться в поэзии только на определенном этапе ее зрелости и на фоне развитой версификационной традиции.

В русской поэзии осознанные опыты свободного стиха появляются уже в XVIII–XIX вв., в основном в переводных и подражательных текстах (Сумароков, Фет и др.), однако в оригинальной поэзии он начинает активно использоваться с начала XX в. (Добролюбов, Сологуб, Блок, Кузмин, Гумилев, Есенин и многие другие). При этом некоторый экзотический ореол сохраняется за свободным стихом практически до самого конца прошлого века.

С конца 1910-х гг. русский свободный стих появляется и в бурно расцветающей сибирской поэзии. Прежде всего это происходит в творчестве авторов, работающих со стихом в русле основных течений общерусской поэтической традиции – условно говоря, у сибирских футуристов, акмеистов и имажинистов. Однако в отличие от петербургских и московских «коллег» представители сибирского авангарда используют новый тип стиха довольно редко.

В этом смысле показательно напечатанное в журнале «Трагические зори» (1922, № 1) типично имажинистское стихотворение И. Кручинина, посвященное А. Мариенгофу:

ФАРСА ТРАГЕДИЯ ¹

Я продам за лакированные ботинки
И душу
И великолепные дерзания таланта.
Пожары гнева
Багрового
За белый
Фрачный галстук
Вырву из бездн груди.
Зачем и гнев, и порывы, и честь.
Когда
Траур цилиндра
На мертвоприлизанной голове
Их заменит с успехом?!
Буду ходить джентльмены,
И
Сердца мятеж первозданный
Прикрою
Спокойно-приличной, тугой и тупой,
Как баранье копыто,
Манишкой!
[Кручинин, 1922].

Еще несколько стихотворений, которые квалифицируются как верлибры, можно отнести к разряду общереволюционной поэзии, вобравшей в себя и футуристические, и символистские черты.

Самое раннее из них – напечатанное только в 1974 г. стихотворение из письма Вс. Иванова поэту Кондратию Худякову по поводу предполагавшегося выхода его книги, название которой вынесено в заглавие стихотворения; письмо датировано июлем 1919 г.:

¹ Здесь и далее в цитируемых текстах особенности орфографии и пунктуации сохранены.

«КУБОК КРОВИ И ВИНА»

На книгу К. Худякова

С ясным взором иду я навстречу вечности,
Под ее белоснежное, теплое крыло.
Я – атом,
Я – дух, воплощенный в материю.
Мне ничто не страшно,
Мне ничего не жаль.
Мне нравятся
Звуки набата – языки восстания,
И том Спинозы,
И желтый билет проститутки,
И я сам – и размышляющий,
И пьяный.
Ибо – во мне Вечность,
И я – ее возлюбленный.
За зелеными далями
Всплывает алый цветок – солнце...
Степи пахнут полынью,
Из логов веет прохладой.
– Эх! Подними выше кубок,
Не роняя слез об умерших.
Кинь улыбку прекрасному, серому городу.
Ты, гордый, – вечен;
Ты, дух бунтующий, не умрешь –
Ты, воплощение огня, возродишься снова...
[Иванов, 1974, с. 307–308].

Двумя годами позже написано «перечислительное» стихотворение Андрея Шостаковича «Человеку французской революции» (1921), опубликованное в альманахе «Отзвуки» (Иркутск, 1921) и сразу вызывающее в памяти два классических верлибра русского Серебряного века: «Мои предки» Кузмина (1907) и «Мои читатели» Гумилева (1921), тоже построенные на перечислении однородных явлений:

Вы, милостивый государь мой,
Обматывающий шею красным шарфом
И ставший судьей и гражданином,
Иногда веселый и пьяный,
Ласкающий грязных девчонок
В темных и низких подвалах
Сен-Антуанского предместья,
Но на суде говоривший женщинам
Спокойно и твердо: «гражданка»,
И смотревший на плечи аристократок
Без особенно скверных мыслей;
Равнодушный проявить свою жалость,
Но ценивший гуманность в гильотине,
Вы сам на нее взошедший,
По совершенно случайному подозрению,
Равнодушно как философ и циник
Ученик Руссо и Вольтера,

Вызвав только легкую улыбку
У тонких знатоков дела
Своими неумелыми движениями
Под искусной рукой палача, –
Вы, милостивый государь мой,
Научите меня также просто
Смотреть на крутящееся колесо,
На судьбы безучастную рулетку
И принять без излишней торопливости
Последнюю злую любовницу,
Смерть, ожидающую долго,
Но всегда неожиданную
[Шостакович, 1921].

В следующем году появляется еще один «перечислительный» верлибр – стихотворение Ельпифидора Титова «Когда наступает утро...» – теперь не романтико-революционный, а скорее идиллический:

* * *

Когда наступает утро
и заря,
как первая любовь,
заливает торжественным потоком света
встревоженный запад,
когда пробужденные воробьи,
чувствуя февральскую оттепель,
о чем-то совещаются, –
может быть, о гнездах и первой кладке яиц;
когда багряные дымы из поголубевших труб,
как лисицы, которых преследуют,
распластываются в небе,
бросая узкие тени на пламенеющие крыши;
когда прошлогодние жеребята
выгнанные на водопой,
ржут,
с храпом вставая на дыбы,
и гордо подгибают шеи,
задрав подрезанные хвосты, –
когда наступает утро,
мне хочется плакать и благодарить кого-то
не эти ли горы, покорных сторожей вечности,
или паутину в углу моей библиотеки?
за то, что я жив,
что будет еще новый и длинный день,
что будет солнце и свет,
что весна нынче ранняя,
что сена хватит до майских зеленей,
что пчелы прозимовали благополучно,
что скоро март и надо готовиться к выставке
ульев
[Титов, 1923, с. 6–7].

В 1927 г. Сергей Марков публикует юмористический вариант свободного стиха – свой «Рапорт редактору о причинах неявки на работу»:

Вчера я ходил на пристань
И собирал глупейшую хронику
О лопнувших шатунах
И сломанных штурвалах.
Рыхлый начальник судоходного надзора
Не подозревал, что он имеет дело
Со случаем тяжелой аварии
Судна, именуемого «Сердце»,
(Это судно движется не паром,
А самой чистой кровью,
Оно имеет глубокую осадку
И не заходит в мелкие воды).
Я хотел сказать рыхлому человеку:
– Вы можете предавать меня суду
За нарушение правил кораблевождения.
Но я шел с потушенными огнями
И не боялся сторожевых кораблей.
Грузный начальник судоходного надзора
Спросил меня: чем, может быть, болен
Сотрудник солидной и уважаемой
газеты?

Я сказал, что на реке буря,
И сегодня я нездоров.
Рыхлый человек скривил губы,
Толстые, как спасательный круг.
Потом он заметил вскользь,
Что я бледен
И шатаюсь, как бакен,
Колблемый крепким норд-остом
[Марков, 1927].

Все приведенные выше примеры следует рассматривать как верлибр короткой строки; ему противостоит более редкий в русской поэзии того времени верлибр длинной строки, восходящий к традиции У. Уитмена.

Он находится на самой границе с так называемым версе – специфической формой стихоподобной прозы, для которой главный признак стихотворной речи – авторское членение текста на строки – перестает быть актуальным; именно это позволяет рассматривать такие тексты как прозаические по своей объективной ритмической природе. Версе чаще всего печатаются в стихотворных сборниках, однако по сути являются прозаическими, а не стихотворными произведениями (тут важно помнить о различии оппозиций «стих» – «проза» и «поэзия» – «проза»: версе, безусловно, является формой поэзии, но при этом принадлежит к прозаическому типу организации текста).

Среди сибирского материала тоже встречаются – хотя и не так часто – и версе, и верлибр длинной строки, и разного рода переходные формы между ними (и соответственно – между стихом и прозой).

1. Он – Красный демон-Разрушитель, – разве вы опять не узнали его?
2. Когда из беспросветных недр земли исторгается красный пламень, все живущее в ужасе убегает, – ибо это он.
3. Когда из бездонных пучин океана поднимаются невиданные красные чудища, в страхе мечутся все обитатели морские, – ибо это он.
4. Когда из темных глубин людских восстает кровавый призрак, трепещут народы, – ибо это он.
5. Красный демон в недрах заточен от века, но в день гнева Отца-солнца открываются недра и тогда владыкой земли становится Красный демон <...>
[Анучин, 1919, с. 3].

Если говорить о других новых формах, пограничных со свободным стихом, стоит назвать также опубликованную в «Таежных зорях» поэму Константина Соколова «Подухи Ермака», стих которой правильнее было бы определить как гетероморфный [Орлицкий, 2005], т. е. постоянно меняющий свою природу. При этом небольшие его отрывки вполне можно интерпретировать как написанные верлибром [Соколов, 1922].

Однако если говорить об абсолютно специфических особенностях сибирского верлибра первой трети XX в., то это, вне всякого сомнения, переводы и переложения (в том числе достаточно вольные) лирики и эпоса народов Сибири.

Так, в 1928 г. на страницах январского номера журнала «Настоящее» появляются «Бурятские песни о Ленине»:

Облегчившему участь каурой лошади,
Высокому воину – благодарность.
Облегчившему участь хлебопашцев,
Красному Ленину – благодарность.

Облегчившему участь саврасой лошади,
Быстрому воину – благодарность.
Облегчившему участь трудовому народу –
Коммунисту Ленину – благодарность.

Измученного серого коня
Вагон, появившись, осчастливил.
Перед буржуем кланявшихся
Большевик, появившись, осчастливил.

Издадека вагон появился,
Моему обузданному коню помогает.
Вблизи меня школа открылась,
Темному мне помогает.

Упавший с севера ветер
В березках шумит.
Вступившие в комсомол друзья
В школе шумят.

Пылающий огонь, разжигавший
Труд да огниво –
Много народу возбудивший
Ульянов Владимир.

Когда перестал идти мелкий дождик,
Полегче стало птенчику жаворонка.
Когда установилась большевистская власть,
Бурятскому народу стало легче и лучше.

Когда перестал идти сильный дождик,
Полегче стало птенцу кроншнепа.
Когда установилась власть Ульянова,
Народу стало легче и лучше.

Жалко, когда плавающая по воде лодка
Уносится течением.
Жалко, когда организовавший народ Ульянов наш
Уносится смертью.

Если красный платок износился,
То пусть город Удинск соткет.
Если красный Ленин умер,
То пусть его заменит молодежь
[Бурятские песни о Ленине, 1928].

На страницах издания указывается на источник публикации («из собраний А. К. Бадмаева, Т. А. Бертелева и Г. А. Улаханова»), однако никак не оговаривается природа публикуемых текстов, из чего следует, что публикация подстрочников была в те годы обычной практикой. Однако, попадая в контекст русской словесности, эти подстрочники воспринимались уже как стихи, причем именно как написанные свободным стихом.

Интересно, что в более поздних изданиях переводов бурятских песен на русский язык им всегда придается соответствующая современным представлениям о русском фольклоре «складная» (силлабо-тоническая и часто рифмованная) форма.

Характерно, что уже знакомый нам Е. Титов, публикуя в 1922 г. в читинском сборнике «Камены» свои переложения «Песен тунгусов Амурского бассейна» (сделанные, как свидетельствует авторская датировка, в Иркутске в феврале 1921 г.), специально оговаривает форму своего перевода: «Перевод не сохраняет размера подлинника и формальной особенности тунгусской песни. Автор сохранил только характер изобразительности в поэзии тунгусов; строчки оригинала переведены точно, особенно песни № 3», а в конце точно указывает его источник: «В основания песен положены записи Middendorff'a, приведенные в книге М. А. Castren'a. Grundzüge einer Tungussischen Sprachlehre nebst kurzen Wörterbuch, СПб. 1856 г., стр. 138–189».

Перевод выполнен верлибром длинной строки, переходящим в версе; приведем здесь фрагмент, стихотворная природа которого не вызывает у современного читателя сомнений:

На бедре ее дай мне малый кусочек;
Внутренности ее подели. –
Потому что не тебе одному указал ее Бог.
Послушай, грешно же не поделиться с родовичем!
Не хочешь? Э, все равно, отнимет ее земля у тебя;
Ты забором обнес ее – я проникну туда;
А лосиный ремень оборвется, если захочет она убежать;

И кто ее раньше найдет, догонит –
Один счастливый будет, догнавший ее
[Титов, 1922a]².

Однако наиболее продуктивным источником сибирского свободного стиха можно считать так называемые «самокладки», авторские вариации на темы которых печатают Антон Сорокин, Всеволод Иванов, Леонид Мартынов и Павел Васильев.

Первым тут, как и полагается «королю писательскому», оказался Сорокин, опубликовавший в 1919 г. в омской газете «Степь»³ два стихотворения под общим заголовком «Современные киргизские песни»:

I
На зубах горы моя юрта,
Стережет ее зуб кедр.
На закате вчерашнего дня
Я убил большого гуся.
Ай Байбича Айля, мултык стереги,
Смотри, чтобы ржавчины не было.
Мултык – мое любимое ружье.
А из гуся свари мне сурпу.
Брови холодной горы насупились.
Седая сердится каюн-гора,
На забытых берегах плачут беркуты.
Стонет глухая трава,
Через горы идут железные телеги,
Через горы идут орт <орд?> арбы.
Травы кровью цветут.
Где стояли белые юрты
И бродили табуны,
Большевики скосили наши аулы.
Ай Бабича Айля, стереги свой мултык.

II
Юрта стояла на краю реки Чуяна.
Девушка Айню за водой ходила и устала.
Мимо проезжали большевики,
Добычу увидели глазами коршуна,
Девушку поймали, через седло перекинули...
Три дня гнался Джигит Джемал
И догнать не мог.
Тоскует по своей невесте Джемал.
Тоска в его душу заглянула,
Горе Джемала полюбило...
[Сорокин, 1919]

² Первый раздел сборника «Камени» («Стихи») дополнительно был выпущен в более соответствующей революционному времени обложке [Титов, 1922б].

³ Степь: Однодневная газета «Осведстепи». [Омск]: Осведомительный Отдел Военно-Административного Управления района Оренбургской армии (Осведстепь); Типография Акмолинского Областного Управления.

Затем в 1921 г. в омском же журнале «Искусство» Всеволод Иванов публикует цикл из 4 стихотворений «Самокладки киргизские» (именно по их поводу Л. Мартынов писал позднее: «будущий маститый прозаик останется навсегда в моей памяти и как автор многих, многих неповторимо прекрасных стихотворений» [Мартынов, 1982, с. 109]). Интересно, что Иванов, прекрасно владевший разными техниками стиха, в том числе венком сонетов [Папкина, 2010, с. 12], тем не менее позднее признавался «Классический стих не давался мне. <...> У меня были свои собственные ритмы» [Иванов, 1978, с. 274].

Очевидно, под неклассическими «собственными ритмами» он имел в виду в том числе и верлибр, к которому обращался несколько раз, и прежде всего именно в самокладках:

БАШМАЧКИ

– Э-эй-эй!
Не плачь, мать,
Еду в Урлютюп на ярмарку:
Надо взять
Кибисы Кызымилъ,
Моей Кызымилъ!..
– Э-эй-эй!..
Еду на ярмарку!
Кибисы – золотые
Стоят – сорок тысяч...
А поцелую ее цены нет!
– Эй-эй!
Затяну крепче подпругу!
Еду на ярмарку...

[Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 40–41]

Кроме четырех, опубликованных в омском журнале и перепечатанных недавно в сборнике «Неизвестный Всеволод Иванов», в архиве Омского литературного музея им. Ф. М. Достоевского сохранились еще две «самокладки», напечатанные в газете «Вечерний Омск»; одна из них тоже написана свободным стихом:

ЮРТА

Утром юрта румянится.
Как татарская девушка.
Одеяло стеганое – степь.
Нам пора позабавиться.
Кобчик вычистил перышки,
На охоту лететь.
– Э-э-э-эй!
Старику трудно плясать.
Как перемести,
не разобравши, юрту.
вставай, баладар! Поутру
Долго грешно спать
Молодым да мягким.
Как ушная мочка.
– Ого-го-го!
В небе тучек ночка.

Аллах голубой юрты
Распахнул пламенное
– окошечко
Эй, конь, ну, ты.
Айда!

(цит. по: [Беленький, 1981]).

Затем, в 1927 г. Леонид Мартынов публикует два стихотворения под общим заглавием «Киргизские примитивы», второе из которых тоже написано – как и в предыдущем случае, без объяснения его природы – свободным стихом:

МОТОЦИКЛЕТКА

Лошадь большая, и я ее меньше,
Но я не боюсь лошади –
Я арканом ее опутаю
И потом поскачу верхом.

Ты совсем маленькая. Я тебя больше,
Но я тебя боюсь – ты свирепей лошади –
И арканом тебя не запутаешь
И не купишь тебя за калым!

Нет, ты не лошадь – ты мотоциклетка,
На которой ездит толстый охотник!
Ах, умчишься ты из аула в город!
Купит, купит тебя толстый охотник!
[Мартынов, 1927].

Наконец, в 1932 г. в столицах выходит книга «Песни киргиз-казаков» (далее ПКК), в которой были опубликованы стихотворные стилизации (названные в подзаголовке «переводами») Л. Мартынова, С. Маркова, Н. Феоктистова, больше половины которых – 25 произведений – принадлежало Павлу Васильеву, и все они были написаны свободным стихом [Песни киргиз-казаков, 1932]. Открывает раздел стихотворение «Рыжая голова», на автографе которого, по свидетельству Куняева, стоит помета: «Записано в ауле Джайтак Павлодарского округа со слов певца Амре Кишкинали» [Васильев, 2002, с. 865]. Однако и образный строй стихотворения, и его пафос заставляют усомниться в том, что перед нами – фольклорный текст:

В луне, наверно, будет сто пудов
Самого чистого серебра,
А все-таки летит над степью луна
Легче пуха от губ возлюбленной.

Сколько нежности в моем сердце,
Сколько тяжести в моей песне,
А все-таки песня летит легко,
Легче пуха от губ возлюбленной.

Я хочу спеть о том, что было...
Русские казаки ели жирных гусей
И нюхали цветы в своих садочках,
А нам было тяжело,
А мне было тяжело,
Как верблюду, несущему соль в рогоже.

Чьи озера у Павлодара? – Осипова.
Чьи друзья в городах? – Осипова.
Кто торгует крупой и ситцем? – Осипов.
Рыжий Осипов овладел нами.
Чьи озера у Павлодара? – Осипова.
Чьи друзья в городах? – Осипова.
Кто торгует крупой и ситцем? – Осипов,
А нам осталась одна песня.
Но листья опадали, как наши надежды,
Чтоб снова зазеленеть, опадали листья.
И скакали джигиты до Каркаралов,
И скакали джигиты до Акмоллов,
До самого города Семипалатинска.
Поднятыми вверх нагайками
Приветствовали мы красных.
Женщины выходили в лучших чувлуках
И протягивали им пищу.

Осипову отрубили голову
И бросили в Иртыш.
Пльви, пльви, рыжая голова,
Мимо Павлодара,
Мимо Чернолучья,
К самому Омску!
Так будет лучше...
Радуетесь мы.

Как же не петь нам и не радоваться?
Пастухи и бедняки едут с разных сторон,
В колхозе все едят печеный хлеб
И работают дружно!
[Васильев, 2002, с. 657–661].

Кстати, вполне вероятно, что обозначенное в автографе авторство певца – такая же мистификация Васильева, как и его цикл «Стихотворения Мухана Башметова», на самом деле созданный самим Васильевым от имени мифического казахского стихотворца (по словам того же Куняева [2002, с. 829], цикл создан поэтом сразу после ПКК – в 1931–1934 гг. Косвенное доказательство этого – включение Васильевым стихотворения «Охота с беркутами» и в ПКК, и в цикл стихотворений Башметова.

Стихотворения Васильева из ПКК делятся на две части: 11 из них – собственно «песни», т. е. достаточно протяженные тексты, включающие повторы слов и фраз, анафоры – действительно стилизации фольклорных произведений. Два из них – «Поднявшееся солнце» и «Находка на Бухтарме» – не верлибры, хотя в первом из них наблюдается беспрецедентный разброс длины рифмованных тонических строк, так что его можно квалифицировать как раешный стих. Эти стихотворения построены по модели «длинного» типа свободного стиха, опирающегося на перечислительную интонацию. Длина строк в них колеблется неупорядоченно, как и положено в свободном стихе, что хорошо видно в стихотворении «Пыль», несмотря на то что в нем, в отличие от такого же «контрастнострочного» «Поднявшегося солнца», используются в основном короткие строки:

Я, Амре Айтаков, весел был,
Шел с верблюдом я в Караганды.
Шел с верблюдом я в Караганды,
Повстречался ветер мне в степи.
Я его не видел –
Только пыль,
Я его не слышал –
Только пыль
Прыгала безглазая в траве.
И подумал я, что умирать
С криком бесполезно.
Всё равно
После смерти будет
Только пыль.
Ничего, –
Одна лишь только пыль
Будет прыгать, белая, в траве.
Спрятал ноздри рваные верблюды,
Лег на землю.
«Старый мой верблюд,
Слушай, слушай!
Это только пыль,
Ничего, –
Одна лишь только пыль
Прыгает по спутанной траве».
Стал я громко хохотать:
«Ну что ж?..»
Стал смеяться дерзко я:
«Постой,
Ты смешна,
Крутящаяся пыль,
Не страшна ты,
Бешеная пыль,
Прыгающая в траве».
Пусть засыпан буду я песком,
Пусть один погибну я в песках,
Не страшна ты и безвредна, пыль.
Ничего
Ты не изменишь, пыль,
Задохнешься
Ты сама в траве!
Человек бессмертен столько раз,
Сколько раз
Он смерть свою встречал.
Сквозь тебя
Пройду я мертвым, пыль,
Я пройду в Караганды сквозь пыль,
Весело ступая по траве.
И, свою подругу там обняв,
Я шепну ей на ухо, смеясь:
«Дорогая,
Мне встречалась пыль,

Старая,
Невидящая пыль,
Прыгающая смешно»
[Васильев, 2002, с. 519–520].

16 других стихотворений цикла построены на другом – непесенном – принципе: это миниатюры, в которых практически нет повторов. 14 из этих коротких стихотворений сам поэт называет «Самокладками казахов» того или иного района. Куняев объясняет этот термин следующим образом: «Самокладки – частушки и короткие песенки. Это название, бытовавшее в среде прииртышского казачества, П. Васильев использовал для трех циклов стихотворений, написанных на казахские фольклорные темы» [Куняев, 2002, с. 866]. Кроме того, к этой же группе стихов можно отнести еще две миниатюры, опубликованные в начале цикла, под номерами 4 и 5, а также стихотворение 1931 г., не вошедшее в ПКК:

* * *

В том и заключается мудрость
мудрейшего –
Не смущаться ничем,
Целую зиму спокойно ожидать
Наступления лета
[Васильев, 2002, с. 342].

Среди миниатюр, написанных свободным стихом, можно выделить собственно «самокладки» – зарисовки из жизни «киргиз-казаков», написанные часто от первого лица, – и более абстрактные философские миниатюры. Оба подтипа, как и «длинный» тип верлибра, широко распространены и в русской, и в иноязычной традиции этого типа стиха.

Можно сказать, что «самокладки» (кстати, ничем не похожие на привычные фольклорные жанры – ни на частушку, ни на песенку) – это фиксация наивно-оптимистического взгляда на новый мир, окружающий жителей советского Прииртышья:

Вот несколько стихотворений из цикла «Самокладки казахов Семиге»:

ПАРОХОД

Вот идет пароход по Иртышу.
В первый раз вижу такого гуся,
Краснолапого гуся.
Вот идет пароход по Иртышу,
Толстый, как купец на ярмарке,
Вот какой толстый.
Эй, если б мог полететь он,
Если б дать ему
Белые широкие крылья!
Он пролетел бы над степью,
Ни разу не опустившись.
Посмотрели бы мы на него
Из-под ладони.
Но никогда не полетит плавучий,
Хоть он и белый,
Хоть он и гусь.

А всё ж его, когда надо,
Удерживают на канатах.

ТЕЛЕГРАФ

К Семиге идут столбы,
Один за другим.
К Семиге шагают столбы,
Связанные железом.
Нет, не зазеленеют круглые бревна!
Мы едем в Павлодар,
А они шагают навстречу
В голой степи,
На ровном месте.
Почему они необходимы?
Может быть, затем,
Чтобы птицам было легче,
Чтобы птицы на них садились?
Но едва ли люди так жалостливы!
Может быть, затем
Они необходимы,
Чтобы не сбиться с дороги?
Но едва ли люди так вежливы!
Джок, джок,
Хитрая это штука
И придумана не напрасно.

ВЕДРА

На телеге везу я ведра,
Ведро железное и пустое.
Ой, какие они болтливые!
На телеге возил я
Мешки с мукой,
Толстые мешки и тяжелые –
Вот те были молчаливы.

МЕЛЬНИЦЫ

Деревянная мельница вертится –
Ничего в ней нет удивительного.
Крылья вертятся,
Чтобы камень вертелся
И пшеницу растирал,
Как ладонями.
А вот каменная мельница –
Дело другое:
В ней один шайтан разберется!

МИЛИЦИОНЕР

Если уж такой он нарядный,
Значит – ответственный.

Если оружие на ремне носит,
Значит – советская власть,
Если человека арестовать может,
Значит, советская власть
Ему доверяет.
Если так возвысился,
Значит – человек умный.
Пусть идет свататься –
Отдам дочку.

САБЛЯ

Я видел – она на стене висела
Острее всякого языка.
Ну, и выдумали ее напрасно:
Головы рубить – не заслуга.
Раз человека она губит,
Значит, она ему не подруга.
А он ее держит всегда в порядке,
Да еще как за женой ухаживает
[Васильев, 2002, с. 669–671].

Особый интерес представляют алтайские и хакасские «песни» Ивана Ерошина, значительная часть которых тоже написана свободным стихом. В большинстве своем это небольшие стилизованные лирические стихотворения.

Ерошин, как известно, приехал в Сибирь из центральной России и в своих «доалтайских» стихах был вполне ортодоксальным новокрестьянским поэтом с соответствующим стиховым репертуаром – недаром же Леонид Мартынов называл его «младшим братом Есенина». Однако его «Песни Алтая» представляют собой редчайший в мировой поэзии образец перевоплощения европейского поэта в инородческих персонажей – охотников, пастухов, даже девушек, от лица которых написано большинство миниатюр книг «Синяя юрта» и «Песни Алтая», выполненных разными типами стиха. Всего, начиная с 1923 г. и до начала 1950-х гг., Ерошин написал более 40 верлибров, отличающихся предельным лаконизмом в сочетании с яркой «варварской» образностью. Вот несколько примеров его «алтайских» свободных «песен»:

* * *

Богаты мои глаза,
Сердце и слух богаты.
Сентябрь. Пылают костры
Красных осин и берез.
Марал на горах загремел, –
Вскинул ветвистую голову
И неба не видит.
Ноздри, как пестрые раковины,
Раскрылись и полны жизни.
Жаркий призывный голос
Коснулся тела подруги,

И листья, как стая
Птиц перелетных,
Вслед ей шумят.
1925

* * *

Синий ветер – лыжи мои,
Синий ветер с горы мохнатой,
Крепко, крепко их подшивал
Молодого оленя кожей.
Лыжи, лыжи мои легки,
Мягкий снег,
Вкрадчивый снег,
Зверь не услышит.
1925

КЕДРЫ

Кедры наши – сумрак ущелья!
Кедры наши – мех соболиный,
Сладок орех с белым зерном.
Жирный орех нравится белке.
Летний вечер, ты – черный медведь.
Тонкая луна – коготь орла.
С дальней вершины ветер пришел,
Тихий и легкий, как сон детей.
1925

* * *

Вышла утром –
Крепкий мороз,
Светлым огнем
Горит лиственница.
И я горю золотым
Пламенем любви.
Наверно, сгорю.
1925

* * *

Соболя ловить иду,
Дорогого соболя.
Соболя, похожего на ветку,
Черную ветку кедра, –
Под синим, звонким инеем
В морозную ясную ночь
1926
[Ерошин, 1956, с. 73, 76, 112, 134, 82].

* * *

Еду, слова собираю.
Много рассыпано их
В солнечных длинных лучах,

На листьях, цветах и травах.
На мгlistом, как туча, лесе,
На острых, высоких скалах,
В стремительных пенных потоках,
В сыпучей росе и туманах.
В голосе птичьем их слышу,
Вижу их в следе зверином,
В ветре и в громе их много
1928

[Ерошин, 1935, с. 73].

Кроме того, в 1930-е гг. Ерошин пишет свободным стихом несколько произведений больших форм – сказок и легенд на темы алтайского народного творчества. Целиком верлибром написан и его сборник «Хакасский фольклор», подготовленный к изданию в Красноярске в 1938 г., но увидевший свет только в 2010-е гг. [Ерошин, 2010].

Надо сказать, что практика перевода больших фольклорных стихотворных форм свободным стихом была в то время общепринятой. Так, выпуская в 1935 г. свой перевод алтайской сказки «Когутэй», Владимир Зазубрин писал в предисловии, что автор подстрочника «не передавал ритма сказки. Его перевод был сугубо прозаическим. Ритм теперь введен в соответствии с подлинником, в пределах возможного, конечно <...> Никак нельзя было передать и начальную рифму, или начальную аллитерацию, столь распространенные в алтайской народной поэзии» [Когутэй, 1935, с. 8]. Характерно, что переводчик особо подчеркивает стихотворный характер своего перевода (в отличие от подстрочника), а также его ритмичность, хотя не использует при этом ни силлабо-тонической, ни силлабической дисциплины, на наличие которых в алтайском фольклоре указывается во втором, научном предисловии к этой книге. Однако, по мнению его автора, в сказке «перед нами, несомненно, распад когда-то стройной эпической техники, жанровое снижение эпического образа, – выраженный не только по содержанию, но и формально процесс перехода героической поэмы в сказку. Дальнейший этап – отказ от мерной речи и обращение к прозе» [Там же, 1935, с. 30]. В результате перед нами оказывается классический образец русского верлибра:

Однажды Когутэй синего быка своего седлает,
Обветшалый войлочный потник кладет,
Седло таловое загнившее накладывает,
Чёрный аркан в шестьдесят саженей берёт,
К торокам седла его приторачивает,
За пояс белый топор затыкает.
На синего быка Когутэй садится,
Сухие дрова рубить едет.
На чёрную гору со ста водопадами
По белым ущельям поднимается.
Трижды чёрную гору объехал,
Гнилых дровишек не нашёл

[Там же, с. 43].

Несколько позже Зазубрин перевел свободным стихом еще одну алтайскую сказку – «Кулакчин», изданную только спустя полвека [Кулакчин, 1972, с. 157–179].

Имеет смысл вспомнить также сборники сибирского фольклора конца 1930-х гг. [Долганский фольклор, 1937; Якутский фольклор, 1938], составленные и переведенные известным этнографом А. А. Поповым, литературную обработку текстов для которых делала известная писательница Елена Тагер, в своей практике пользовавшаяся только традиционным силлабо-тоническим стихом. Однако в этих книгах для перевода стихотворных текстов она использует верлибр – например, в переложении стихотворного компонента легенды «Шаман Бэргэсэляях»:

Доняли меня ледоглазые,
Мучают русские начальники,
Пахнут потными подмышками,
Жалят купоросными взглядами,
Жаждут убить беззащитного!
Что мне сделать, чтоб смиловались?
Светлый владыка, Улуу-Тойои!
Прибыл к тебе я, упрашиваю:
На смех не дай стеклоглазому!
Выручи от несправедного!
Выкупи у злого душу мою!
Только и надо выкупа –
Волос один-единственный
С челки твоей рыжей лошади.
Сжался! Даруй мне милостиво!
[Якутский фольклор, 1938, с. 216–217].

Необходимо указать также на стихотворные стилизации Ольги Черемшановой (подробнее см.: [Никольская, 1993]), первые публикации которых состоялись в уже знакомом нам журнале «Таяжные зори», а затем вошли в состав знаменитого сборника поэтессы «Склеп» (Л., 1925), предваренный, кстати, сочувственным предисловием М. Кузмина:

ЧЕРНАЯ ВЬЮГА

Ох ты, вьюга, моя вьюгушка,
Ох ты, вьюга, моя кручинная!
Ты почто, вьюга, всплакалась,
Ты почто, кручин, взрыдалася?
А мне и без тебя холодно,
Холодно, зябко...
Выпадали мои думушки черным снегом...
Навалили злодейки цельный сугроб!
По самы плечи он закрыл меня,
Зазнобил меня, несчастную...
А из черного сугроба то не вылезти.
Не вылезти, не выползти.
.....
Ох ты, вьюга, моя вьюгушка!
Ох ты, вьюга, моя черная!
Не надо мной ли ты, вьюга, отходную поешь?
Не надо мной ли воешь панихидную?
Не надо мной ли ты, вьюга, плачешься,
Плачешься да рыдаешься?
Ай не шепчешь ли ты, вьюга погребальная,

Что из черного сугроба мне не вылезти,
Не вылезти, не выползти?..
[Черемшанова, 1925, с. 11].

Книга состоит из трех частей, первая из которых представляет собой стилизации русских плачей (которые Черемшанова, как известно, прекрасно исполняла сама), вторая – киргизских песен, а последняя – японской поэзии. Все они выполнены в основном свободным стихом, а также различными переходными формами, например верлибром с окказиональной рифмой. Вот пример такого стиха – фантазия Черемшановой на тему киргизской (снова!) песни:

* * *

Как белые верблюды в синеве облака
Медленно так идут.
Ах, сердце, сердце в степи широко,
Найдешь ли ты в ней приют?..
Глаза твои – черные стремяна,
В них вставлены ночи тоски.
Сердце твое – золотое седло,
В нем крепко печаль сидит..
Как белые верблюды в синеве облака
Медленно так идут,
Как небо и степь, душа твоя,
И ей не найти приют
[Там же, с. 24].

В связи с этим необходимо вспомнить, что в 1920–1930-е гг. по стране прокатывается волна литературных стилизаций фольклора, отчасти связанная с пропагандой «советского» фольклора (в нашем материале это и бурятские песни о Ленине, и некоторые самокладки Васильева).

Особое место среди стилизаторов народной поэзии (в том числе и фольклора народов Сибири) в советской поэзии этих лет занимает поэт и драматург Андрей Глоба (1888–1964), выпустивший в 1922 г. книгу «Корабли издалека», которая включала переводы и стилизации на темы фольклора и литературы народов Востока: от Армении до Японии. В эту книгу, кстати, вошел и цикл «Киргизские песни», состоящий из 17 стихотворений. Большинство из этих «самокладок» написано свободным стихом; очевидно, поэт не стремился к передаче природы оригиналов (если они были). Вот характерные примеры:

* * *

Подпояшешься шелковым поясом –
Развязать не умеешь.
Удивительный нрав у тебя, как рассердишься –
Целовать не умеешь.

Черна твоя коса –
Ты маслом гвоздичным не маслилась?
Красив твой полный стан –
Ты румяных не ела ли яблоков?

Твоих волос в пять кос не заплетут
И за меня тебя не отдадут.
Не отдадут? – пускай, пускай!
В сундук ведь не запрут.

Солнце на небо выходит,
Когда волосы девицы чешут.
Светел душою и телом,
Лишь увижу тебя, светлицу.

Я выстрелил в белую гору,
Подумав, что заяц.
Ах, кто там идет по другой стороне?
Знакомая поступь
[Глоба, 1922, с. 4–5].

Интересно, что киргизский цикл состоит из 16 «песен» (большинство которых – верлибры), а комментарий к ним начинается характерным признанием: «песни I–X переводы – в целом или в отдельных частях» [Там же, с. 11], т. е. автор по сути дела признается в том, что значительная часть стихотворений цикла целиком или частично является продуктом его оригинального творчества – как, впрочем, и большинство других сибирских «фольклорных» текстов.

После этого Глоба выпустил еще несколько книг стихотворных стилизаций, в которые включал и настоящие переводы, в том числе и с европейских языков. Среди них, кстати, выдержавший три издания с 1933 по 1947 г. сборник «Песни народов СССР», включающий переводы и стилизации произведений разных жанров; в том числе якутские и бурят-монгольские, которые, кстати, завершаются «улигером» «Сталин-батыр». Многие из них тоже написаны свободным стихом – как, например, такая якутская песня:

ДЫМ, СЪЕВШИЙ СОЛНЦЕ

Из-за Алдомы
Прибежал сохатый,
Всю ночь бежал,
Думал:
Еще день!
В глазах его были огонь и дым
Вчерашнего дня.
Алдому переплыл, запыхавшись,
Повыше камней,
Где брод,
Повыше камней,
Разгрызающих лиственницу, упавшую в воду
Как белые зубы рыси!
Птичью кость.
Огонь и дым
Принес он в красных глазах, –
Весь день бежал –
Не помнил:
День или ночь?

«Капсе!»
Повернул ветвистые рога к Алдоме.
«Эн капсе!»
Вместо солнца над тайгой,
За Алдомой,
Глаз мертвой совы.
Ноги человека,
Шедшего из Нелькана в Аян,
Принесли огонь и дым:
Огонь ел большие лиственницы
И крепкие кедры,
Как траву, –
Дым съел солнце.

Вспомнил ветвисторогий
Все ручьи и все реки,
Из которых не успел напиться, –
Стал пить из Алдомы.
На рогах у сохатого сидела,
Прижавшись сосками светлого брюха
К ветвям рогов,
Широких, как ветви алданского тополя,
Испуганная белка
[Глоба, 1947, с. 688–689].

Переводя бурятскую поэзию (а ей, кроме соответствующего раздела в «Песнях народов СССР», Глоба посвятил отдельную книжечку своих переложений «Бурятские и монгольские песни»), поэт мастерски использовал начальные созвучия строк, играющие в тюркомонгольском фольклоре роль рифмы. В свое время бурятский стиховед Г. Туденов предложил использовать для начальных созвучий в бурятском стихе изящный варваризм – «толгой холболго», что, по его утверждению, означает в буквальном переводе на русский «соединение начал или голов» [Туденов, 1958, с. 46]. Этот принцип переводчики монгольской и бурятской поэзии, а также близких к ним по языковым принципам алтайской, якутской и калмыцкой, достаточно давно начали использовать в русских переложениях фольклорных и литературных текстов.

Глоба пишет: «В бурят-монгольской песне конечная рифма – явление более или менее случайное. Звуковая связь строк устанавливается через аллитерацию и ассонанс начальных слогов. Вторая особенность этой песни – повторение содержания предшествующей строфы в последующей, причем в последующей строфе остаются неизменными концы строк, но меняются начальные слова строк, чем достигается перемена начального звука; естественное при такой системе однообразие содержания строф искупается формальной виртуозностью построения» [Глоба, 1940, с. 5].

При этом примерно в половине переложений бурятских песен Глоба сочетает «толгой холболго» со свободным стихом (в современной русскоязычной бурятской поэзии это с успехом делают Б. Дугаров и А. Улзытуев):

* * *

Если ветер пробежит
по земле,

Ель на темной горе
 закачается.
Если часто с милой встречаться,
Еще крепче
 ее полюблю.
Чалый мой – с ушами,
 как ножницы –
Через Халху на нем
 кинуть вплавь.
Часто с милой стану встречаться,
Чересчур крепко
 ее полюблю
[Глоба, 1940, с. 21].

Таким образом, в сибирской поэзии 1920–1930-х гг., развивающейся в основном в общем русле современной ей русской лирики, естественным образом появляется и уникальный по своему генезису, собственно сибирский свободный стих, использовавшийся для переводов и стилизаций фольклора («песен») народов Сибири, которые писали самые известные сибирские авторы того времени: П. Васильев, Вс. Иванов, Л. Мартынов, В. Зазубрин, И. Ерошин, О. Черемшанова.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить за неоценимую помощь в поиске источников моих коллег И. Лощилова и Е. Папкову, а также сотрудников Омской областной научной библиотеки.

Список литературы

- Анучин В.* Песнь о красном Демоне. Томск: Изд-во Т. В. Сенченко, 1919. 15 с.
Беленький Е. «Самокладки киргизские» // *Вечерний Омск.* 1981. 3 июля.
Бурятские песни о Ленине // *Настоящее.* 1928. № 1. С. 6.
Васильев П. Сочинения. Письма. М.: Элис Лак 2000, 2002. 896 с.
Глоба А. Корабли издадека. М.; Пг.: Творчество, 1922. 48 с.
Глоба А. Бурятские и монгольские песни / Сост. и пер. А. Глоба. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1940. 80 с.
Глоба А. Песни народов СССР. М.: Гослитиздат, 1947. 816 с.
Долганский фольклор. М.: Сов. писатель, 1937. 260 с.
Ерошин И. Песни Алтая. Новосибирск: Зап.-Сиб. краев. изд-во, 1935. 102 с.
Ерошин И. Утренний привет. М.: Сов. писатель, 1956. 176 с.
Ерошин И. Хакасский фольклор. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010. 131 с.
Иванов Вс. Самокладки киргизские // *Искусство.* 1921. № 1. С. 10–12.
Иванов Вс. Письма к К. К. Худякову // *Литературное наследство Сибири.* Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. Т. 3. С. 298–311.
Иванов Вс. Кондратий Худяков // *Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т.* М.: Худож. лит., 1978. Т. 8. С. 270–282.
Кручинин И. Фарса трагедия // *Таежные зори.* 1922. № 1. С. 46.
Когутэй: Алтайский эпос / Под общ. ред. Ю. М. Соколова; сказитель М. Ютканак; пер. Ю. Токмашова; ред. В. Зазубрина; коммент. Н. Дмитриева. М.: Асадеміа, 1935. 204 с.

- Кулакчин. Сказка. Пер. с алт. // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. Т. 2. С. 157–179.
- Куняев С. Комментарии // Васильев П. Н. Сочинения. Письма / Сост. С. С. Куняев. М.: Эллис Лак, 2002. С. 825–880.
- Лыткин Ф. Три воспоминания // Лыткин Ф. Песни юности. Иркутск: Электротип. И. А. Белоголового, 1915. С. 55–57.
- Лыткин Ф. Сатане и богу // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. Т. 3. С. 317–318.
- Марков С. Рапорт редактору о причинах неявки на работу // Газетчик (Новосибирск). 1927. № 4, 15 июля. С. 4.
- Мартынов Л. Киргизские примитивы // Настоящее. 1927. № 1. С. 24.
- Мартынов Л. Черты сходства. М.: Современник, 1982. 224 с.
- Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
- Никольская Т. Поэтическая судьба Ольги Черемшановой // Лица. Библиографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Athenaeum, 1993. Вып. 3. С. 40–82.
- Орлицкий Ю. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии // НЛО. 2005. № 73. С. 187–202.
- Панкова Е. Сибирский период творчества Всеволода Иванова 1915 – 1921 гг. // Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 9–35.
- Соколов К. Подуши Ермака // Таежные зори. 1922. № 1. С. 3–9.
- Сорокин А. Современные киргизские песни // Степь: Однодневная газета «Осведстепи». 1919. № 1, 28 сент. С. 3.
- Титов Е. Песни тунгусов Амурского бассейна // Камени I: Сборник Историко-литературного кружка при Государственном Институте Народного Образования в г. Чите. Чита, 1922а. С. 15–16.
- Титов Е. Песни тунгусов Амурского бассейна // Листовка поэтов: Издание историко-литературного кружка при Государственном Институте Народного Образования в г. Чите. Чита: Тип. Военпура, 1922б. С. 15–16.
- Титов Е. Стихотворения. Иркутск, 1923. 31 с.
- Туденов Г. Бурятское стихосложение. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1958. 166 с.
- Черемшанова О. Склеп. Л.: Academia, 1925. 66 с.
- Шостакович А. Человеку французской революции // Отзвуки. Иркутск, 1921. С. 9.
- Якутский фольклор. М.: Сов. писатель, 1936. 319 с.

References

- Anuchin V. Pesn' o krasnom Demone [Song of the Red Demon]. Tomsk, T. V. Senchenko Publ., 1919, 15 p. (in Russ.)
- Belenky E. "Samokladki kirgizskie" ["Kyrgyz self-lays"]. *Evening Omsk*, 1981, 3 July. (in Russ.)
- Buryatskie pesni o Lenine [Buryat songs about Lenin]. *Present*, 1928, no. 1, p. 6. (in Russ.)
- Cheremshanova O. Sklep [Crypt]. Leningrad, Academia Publ., 1925, 66 p. (in Russ.)

- Dolganskiy fol'klor [Dolgan folklore]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1937, 260 p. (in Russ.)
- Eroshin I. Khakasskiy fol'klor [Khakassian folklore]. Abakan, 2010, 131 p. (in Russ.)
- Eroshin I. Pesni Altaya [Songs of Altai]. Novosibirsk, 1935, 102 p. (in Russ.)
- Eroshin I. Utrenniy privet [Morning greetings]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1956, 176 p. (in Russ.)
- Globa A. Buryatskie i mongol'skie pesni [Buryat and Mongolian songs]. Comp. and transl. by A. Globa. Moscow, 1940, 80 p. (in Russ.)
- Globa A. Korabli izdaleka [Ships from afar]. Moscow, Petrograd, Tvorchestvo Publ., 1922, 48 p. (in Russ.)
- Globa A. Pesni narodov SSSR [Songs of the peoples of the USSR]. Moscow, Goslitizdat, 1947, 816 p. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Kondratiy Khudyakov. In: Ivanov Vs. Coll. works. In 8 vols. Moscow, 1978, vol. 8, p. 270–282. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Pis'ma k K. K. Khudyakovu [Letters to K. K. Khudyakov]. In: Literaturnoe nasledstvo Sibiri. Novosibirsk, 1974, vol. 3, p. 298–311. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Samokladki kirgizskie [Kirghiz self-laying]. *Art*, 1921, no. 1, p. 10–12. (in Russ.)
- Kogutey. Moscow, Academia Publ., 1935. 206 p. (in Russ.)
- Kruchinin I. Farsa tragediya. *Taezhnye zori*, 1922, no. 1, p. 46. (in Russ.)
- Kulakchin. Skazka. In: Literaturnoe nasledstvo Sibiri. Novosibirsk, 1972, vol. 2, p. 157–179. (in Russ.)
- Kunyaev S. Commentary. In: Vasiliev P. Sochineniya. Pis'ma [Works. Letters]. Moscow, Elis Lak Publ., 2002, p. 825–880. (in Russ.)
- Lytkin F. Satane i bogu [Satan and God]. In: Literaturnoe nasledstvo Sibiri. Novosibirsk, 1974, vol. 3, p. 317–318. (in Russ.)
- Lytkin F. Tri vospominaniya [Three memories]. In: Lytkin F. Pesni yunosti [Songs of youth]. Irkutsk, I. A. Belogolovy Publ., 1915, p. 55–57. (in Russ.)
- Markov S. Raport redaktoru o prichinakh neiyavki na rabotu [Report to the editor on the reasons for not showing up for work]. *Gazetchik* (Novosibirsk), 1927, no. 4, 15 July, p. 4. (in Russ.)
- Martynov L. Cherty skhodstva [Similarities]. Moscow, Sovremennik Publ., 1982, 224 p. (in Russ.)
- Martynov L. Kirgizskie primitivy [Kirghiz primitives]. *Present*, 1927, no. 1, p. 24. (in Russ.)
- Neizvestnyy Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity]. Moscow, 2010, 784 p. (in Russ.)
- Nikolskaya T. Poeticheskaya sud'ba Ol'gi Cheremshanovoy [Poetic fate of Olga Cheremshanova]. In: Faces. Bibliographic almanac. Moscow, St. Petersburg, 1993, iss. 3, p. 40–82. (in Russ.)
- Orlitskiy Yu. Geteromorfnyy (neuporyadochennyy) stikh v russkoy poezii [Heteromorphic (disordered) verse in Russian poetry]. *NLO*, 2005, no. 73, p. 187–202. (in Russ.)
- Papkova E. Sibirskiy period tvorchestva Vsevoloda Ivanova 1915–1921 gg. [Siberian period of creativity of Vsevolod Ivanov 1915–1921]. In: Neizvestnyy Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity]. Moscow, 2010, p. 9–35. (in Russ.)

Shostakovich A. Cheloveku frantsuzskoy revolyutsii [To the Man of the French Revolution]. In: Otvuki. Irkutsk, 1921, p. 9. (in Russ.)

Sokolov K. Poduhi Ermaka. *Taezhnye zori*, 1922, no. 1, p. 3–9. (in Russ.)

Sorokin A. Sovremennyye kirgizskie pesni [Modern Kyrgyz songs]. *Step: Odnodnevnyaya gazeta "Osvedstepi"*, 1919, no. 1, 28 Sept., p. 3. (in Russ.)

Titov E. Pesni tungusov Amurskogo basseyna [Songs of the Tungus of the Amur Basin]. In: Kameny. Sbornik Istoriko-literaturnogo kruzhka pri Gosudarstvennom Institute Narodnogo Obrazovaniya v g. Chite [Kameny. Collection of the Historical and Literary Circle at the State Institute of Public Education in Chita]. Chita, 1922, p. 15–16. (in Russ.)

Titov E. Stikhotvoreniya [Poems]. Irkutsk, 1923, 31 p. (in Russ.)

Tudenov G. Buryatskoe stikhoslozhenie [Buryat versification]. Ulan-Ude, Bur-mongiz Publ., 1958, 166 p. (in Russ.)

Vasiliev P. Sochineniya. Pis'ma [Works. Letters]. Moscow, Elis Lak Publ., 2002, 896 p. (in Russ.)

Yakut folklore. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1938, 319 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Орлицкий Юрий Борисович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории мандельштамоведения Института философии и истории, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

rsuh@rsuh.ru

Information about the Author

Yuri B. Orlitsky – Doctor of Philology, Leading Researcher at the Laboratory of Mandelstam Studies (Institute of philosophy and history), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)

rsuh@rsuh.ru